

Поэт, публицист, переводчик. Родился (1949) на полуострове Ямал. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Служил в ВВС, работал в нефтяной промышленности, тележурналистике, книготорговле... Первая поэтическая подборка опубликована в еженедельнике «Литературная Россия». С 1994 года – председатель правления Тюменского межрегионального отделения Союза российских писателей. Лауреат Общенациональной премии им. А. М. Горького, премии им. М. А. Волошина, Канадского литконкурса «Взрослые – детям», премии им. Нобелевского лауреата Генриха Бёлля «За выдающиеся достижения в литературе и общественной деятельности» (Германия), дважды премии «Бриллиантовый Дюк», Гран-при им. А. Г. Сниткиной-Достоевской за цикл стихов о сподвижнице творца (Монреаль – Нью-Йорк)... Н. Шамсутдинов – автор 52 поэтических книг, около 400 публикаций в отечественной и зарубежной периодике

ПОЭЗИЯ

Вернуть природе

*Николай
Шамсутдинов*

В СЛОВО...

* * *

Выпукло-сумрачны, синие, как предгрозы
Над неумолчной долиной, – искус гортани –
С лоз изнемогших срезаны грузные гроздья,
Мраком пока сочатся, в давальном чане
Преображаемы в алые гулы. Броженье
Токов стоустых играет в сосудах тесных
И вымывает, влажное, из забвенья
Древние навыки и родовые песни.

Гул до полуночи, не досажая слуху,
Весь восприемлем – дыханьем работы умелой,
Мир пропитал. И глухо подтянешь, по духу,
По неборимой тяге – брат виноделу.
Не потому ль, обращаясь в него, ночами,
Ибо бессонная жажда в права вступила,
Мнёшь его, слово, словно в давальном чане,
Чтобы верней и крепче в голову било?..

* * *

В знойных руинах, не попирающих твердь,
Но – увлекающих ввысь,
  миру солнечных пиний
В магии ласковой хвои – «Мгновенная смерть –
Высшее счастье для жизни...» – отвечает Плиний.

...В очереди к убывающей вечности, день
Ломится в окна, и, от попечения тюля,
Выйдя на солнце, врасплох застают свою тень –
К ревности иллюминированного июля.

В прятках с душою, забывшей себя на пиру
Радостной пластики, выпукло дышат с фронтона,
При родовой молодой неприязни к перу,
Девы и лозы – лазутчики Анакреона.

Как ни юродствует солнце, дожди ни секут,
Пуще язва, – в новизне узнавания прелестней,
Так гулко пьют и в тимпаны, без отзова, бьют,
И от ударов судьбы заслоняются песней,

Что сторонятся их, хвойную тень теребя,
И, в летаргическом времени,
  искус сатира,
Перемещаемый взгляд, обращенный в себя,
Видит и горы, и море – лазутчиков мира...

Гадают, кто свечу в окне затеплил, кто,
к минувшему спиной, молчит, Непоту вторя...
Скучает ли в саду в наброшенном пальто –
В плену ненастных дней? Размашистый, вдоль моря
Шагает, глубоко песок взрывая? Бриз
Касается щеки? И, как единове́рцу,
Мир поверяет вам свои черты и, близ
Непроходимых дюн, теснее жмётся к сердцу.

Насупленный, порой так пристально глядит,
Ведь жизнь заражена, теряя терпкость в тексте,
Инстинктом тупика,.. тем обречённой бдит
Пространство, уменьшаясь неизменно вместе
С любимым из нас... Вернуть природу в слово! Но,
У неизменных дюн – за чтением Непота,
Пространство сведено к словам, ведь и оно
Становится свежо той точкою отсчёта

Задорных дней в глуши – вне козней прописных,
Хотя – и что скрывать? – не доверяйте счастью,
Оно опасно тем, что делает своих
Избранников – слабей для низости. Ненастье
Уже когтит висок, пока скрипит песок –
Подарок для ступней, ушедших в осязанье
Свободы на ветру. Мурашками в висок
Ссыпается, дразня костяк, недосыпанье

Юрода, всей судьбой проросшего в содом
«Вигилий городских»... Покрой души свободной
У этих дюн и вод... Не воссоздать пером
Пружинящий рельеф сердечной подноготной
Наглядной жизни. Вновь горит в саду окно,
Чей взгляд – на горизонт, что на манер шарнира
С л и л небо с морем, дав им в разворот о д н о, –
Обещанная вам, могуча вещьность мира...

С неизменной росинкой на жаркой, лукавой губе
Пересмешницы мифа, проталинка в зимней судьбе
Пересмешника яви, несомое бризом, какое,
В ряби, море приходит на память тебе,
И ты вдруг отдаляешься?.. В неистошимый прибой,
У песка углублённый, со дня сотворенья, запой.
В брызгах, ты – и модель, и стремительный образ,
Но не сетуй, я был одинок, оставаясь с тобой.

Жажды не утолив, уходя, обнажает отлив
Невесёлое дно, и, медленно веки смежив,

Всё твоё обольщение сирены, сиречь ухищреньё,
Приспускает ресницы, темно адресата сменив.
И не Парки пророчат – ресницы мне прочат беду,
И когда я, гармонии мера, из мира уйду,
Ничего не изменится, я ведь останусь у моря –
Любоваться им, греться с тобою на солнце, в виду
Вечных чаек...

* * *

В освищенных буднях, ушиблен поп-артом,
Себя предъявляя окну, интроверта,
Длишь сумерки марта над чахлым Монмартром
В гнезде у бретонки, Мольера мольберта...
Пока, с запустеньем в сознании, хрипло
Поют за стеной – вызревает интрига:
Шабли, безотчётное в чувствах, отшибло
Прохожему память: с кем пил, забулдыга?!

Захватанный бытом, быв, грешный, обузой
Морали засовов, то рюмкою жив, то
Гоним за экзотикой генами, – музой,
Ровесницей Свифта, не знавшего лифта,
При явной подагре, насельник юдоли
Клошара... Чем твёрже и бесповоротней,
С подачи его ж, психология воли
Есть враг пустоты – не продукт подворотни,

Напротив родного пространства, в закале
Морозами и перегаром. ОВИРа
Там нет, потому ясновиденьем дали
Душа открывается зодчему мира.
Залог долготелья двуногих, от века
В реформах мутируя, – интерпретатор –
Язык, что осваивает человека,
Двусмысленней в казусах, чем препарат

В умозаключеньях... Приблудные лица
Свежей в прикладном лицемерии. В холод,
В разгар остракизма тебе не столица –
Провинция ставила голос. Лют голод
На горстку тепла... По-захолустному ндравный,
Не переболев ни бретонкой, ни мартом,
Врасплох застаёшь своё утро на равной
Ноге, отчужденец, с Мольером, с Монмартром...

ПАТРИЦИАНКА

А. В.

36

Сведущая, по самозабвению, в оттенках
Элегической логики, прошлого знак,
Упоённое патрицианка в оценках
Настоящего и наступающего, как
Ни злословят... В разочарованьях – с лихвою,
Злободневная бедность иссякла, давно
Вытеснена возвышенною нищетою,
Изобилующею обидами, но –

Не обетами... И, воплощённая твёрдость
В обобщеньях, она и в пустяшном пряма,
Как диктует ей высокогорная гордость
Урождённой стихии. В сходящем с ума
Мире, нафаршированном фальшью, – к забвению
Вышних заповедей, и лишь истины близ,
Для неё, тяготящейся днями и тенью,
Экспрессивен в своей бестелесности бриз

С моря... На побережье, под вешнею фигой,
Солон сельский уклад, что ук-ла-ды-ва-ет
Её полночь, в изнеможении, с книгой
Под обзор зорко вчитывающихся – нет! –
Фабулой увлечённых планет: удалённость
Их – условность. Прозренью сродни, искони
Тон рефлексиям сим – задаёт утончённость
Комментариев к пасквилям черни, как ни

Агрессивны они; как, назрев, ни капризно
Вдохновение пифии. Только одна
Роскошью эстетического стоицизма
Мне сродни, прекословя нахрапу, она,
Абстрагируясь от низости, над волнами,
Чей характер и сложен, и непостижим,
Она смотрит на непосвящённых – глазами
Моря... Моря?
Нет! пристальной дали за ним.

* * *

Массивней морщины и взгляд уранида угас:
 Вчера атлет в профиль – назавтра руина анфас...
 Да-с, у неотступных, хоть не выходи из квартиры,
 У метаморфоз, на бегу подсекающих нас, –
 Своя мифология... Фавны? Киклопы? Сатиры?

Любезный сиренам и пифиям, возраст язвит
 Про свежий колит. И, как ни всемогуща viagra, –
 Что «любит природа скрываться...», предрёк Гераклит...
 Прицельнее гарпий – шмаляет артрит,
 Кошмарней Горгоны – ломает ночами подагра.

В неравенстве с мифами у современников нет
 Аналога им, из глубин исторгающим свет,
 Великим Гомером озвучены, как ни окольны
 Пути их порой... Прививая к сюжету букет,
 Из «Буккеров», ну, не профан Аполлон – произвольный

В приязни к планктону? Ему и неведомо, кто ж
 За шатким столом и другим подливая, до свету
 Несет «ахиною» ахеян, на Вакха похож,
 И так же на пылкие игрища ветрениц вхож,
 Как равный, но – с недоумённой оглядкой на Лету...

Куда ж он по лужам, весь мир загребая пальто,
 Распахнутым, как по весне, но просторным зато,
 Пока Одиссей, разрешая, по мифу, дилемму,
 Укрывшись, как плут, за иррациональным «никто»,
 Наносит удар полемическому Полифему?..

